

Aleksandr Demidov

ПЯТЬ СТРЕЛ

исторический роман



Aleksandr Demidov

Пять стрел

<https://litres.ru/74638939>

SelfPub; 2026

Аннотация

700 тысяч воинов идут в степь за лёгкой победой. Назад вернуться не все — и не все будут названы.

Царь Дарий ведёт персидскую армию на скифов. У него есть конница, обозы, корабли и мост через Истр. У степи — только расстояние, трава, колодцы и умение исчезать раньше, чем враг успеет ударить.

Молодой персидский сотник Вахаука верит в порядок: людей можно сосчитать, потери — записать, приказ — выполнить. Савроматка Опия впервые едет на войну, где спасение семьи зависит не от славы, а от того, успеют ли увести скот и пережить зиму.

Погоня превращается в ловушку. Войско идёт всё дальше, земля пустеет, а победа становится вопросом: кого оставят у костров, кого перепишут в списках — и кто заплатит за чужую славу.

«Пять стрел» — напряжённый исторический роман по мотивам Геродота: о великом походе Дария, который увиден глазами тех, кого история обычно не замечает.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	33
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	38
Глава 6	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Aleksandr Demidov

Пять стрел

АЛЕКСАНДР ДЕМИДОВ

ПЯТЬ СТРЕЛ

роман

© Александр Демидов, 2026

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Мост

Глава 1

Вахаука

Сотню Вахауки поставили на азиатском берегу затемно и велели ждать.

Ждать было приказом. Писец с кожаной сумкой на боку прошёл вдоль строя и спросил число людей, число коней, число отсутствующих. Вахаука ответил: девяносто семь, сто четырнадцать, трое больных оставлены в Халкедоне. Писец записал, не поднимая головы, и двинулся к соседней сотне. Там цифры были хуже, и он задержался.

Туман над проливом держался низко. Переправа из него выходила не сразу. Сначала проступили ближние корабли, связанные бок о бок, со снятыми мачтами, и настил по ним. Потом дальние. Потом противоположный берег, которого вчера будто и не было. Европа оказалась холмистой, бурой и совершенно обыкновенной.

По мосту уже шла пехота. Отсюда нельзя было различить людей, только ровное движение, в котором никто не торопился и никто не отставал. Кто-то задал этот шаг, и шаг держался от рассвета, и будет держаться до вечера, и ещё одного вечера, ровно столько, сколько нужно, чтобы на тот берег перешло всё: мидяне, персы, копья, мулы, котлы, запасные тетивы, писцы с сумками, сами сумки. Вахаука смотрел на это так, как в детстве смотрел на ткацкий стан у матери, ко-

гда как по волшебству на ковре появлялся узор, строчка за строчкой, и казалось, что стоит обратить на него внимание — и узор исчезнет.

— Шею свернёшь, — сказал Тухра.

Он сидел на земле, привалившись к боку своего коня, и ел лепёшку. Коня никак не звали: Тухра считал, что животному, которое может завтра пасть, имя только мешает. Хотя этому коню было уже четырнадцать лет.

— Встань, — сказал Вахаука. — Все стоят.

— Люди стоят, потому что ты стоишь. Сядешь ты, сядут они. Приказ был ждать, а не стоять.

Вахаука не сел. Тухра доел лепёшку, стряхнул крошки с бороды и остался сидеть.

Спорить с ним было бесполезно с тех пор, как Вахауке исполнилось шесть. Тогда Тухра, отцовский человек, впервые посадил его на коня и держал за пояс, пока он не перестал плакать. Теперь Вахаука командовал сотней, а Тухра числился в ней десятником, и оба делали вид, что отец здесь ни при чём. Отец провожал их у ворот усадьбы, сказал сыну то, что всегда говорят уходящим в поход, а Тухру отвёл в сторонку и что-то негромко объяснял. Вахаука не расслышал что и не спросил.

В третьем десятке вполголоса говорили об Эобазе. Вахаука слышал имя и подъехал ближе.

— ...просил, чтобы одного оставили дома. Одного из трёх. Всего одного.

— И что?

— Царь сказал: всех троих оставлю. Отец обрадовался.

— Ну?

— Ну и оставили. Всех троих. Там же, в Сузах. В земле. Молчали. Кто-то дёрнул повод, конь переступил.

— Кто рассказывает, тот следующим и ляжет, — сказал Вахаука.

Он сказал это ровно, хотя почувствовал, что голос дрогнул. Молодой всадник, которого в сотне звали Мидийцем из-за рода матери, покраснел и опустил голову. Вахаука не отъехал сразу. Ему хотелось, чтобы они поняли, а не просто замолчали.

— Войско — одно тело, — сказал он. — Если каждый начнёт выпрашивать себе исключение, тела не будет. Царь не мог уступить. Уступи он одному — завтра у ворот стояли бы сотни отцов.

— Так и говорят, — согласился кто-то. Без эмоций.

Тухра за его спиной сказал, ни к кому не обращаясь:

— Просил, чтоб оставили. Ну так он и оставил.

Вахаука обернулся, но Тухра уже подтягивал подпругу, и лица его не было видно.

Сотня двинулась к полудню.

Путь к мосту лежал мимо стел. Вахаука видел их издали ещё вчера: два белых камня в рост человека и выше, чистые, как кость. Вчера вокруг них стучали. Сегодня стучали только у одной: греческий резчик на подмостях, босой, с тряпкой

вокруг головы, дорезал нижние строки. Другая стела стояла готовая, в клиньях, которые Вахаука узнавал, но читать не умел.

Возле камня стоял писец, старик, и вслух читал перечень кому-то из знатных — не то проверял, не то просто любил читать вслух. Сотня шла шагом, и Вахаука успел услышать: «...персы, мидяне...» — и потом имена, которые сливались, одно за другим, как бусины, когда рвётся нитка.

Он подумал, что где-то в этих строках есть и он. Не по имени — таких камней не хватило бы на имена. Но число резчик высекает из людей, а среди людей Вахаука. Он выпрямился в седле.

— Семьсот тысяч, — сказал за спиной Мидиец. — Там написано семьсот тысяч.

— Ты читаешь по-гречески?

— Нет. Слышал.

— Сколько это — семьсот тысяч? — спросил кто-то в задних рядах.

— Столько, сколько написано, — сказал Тухра. — Шевелись давай.

У начала переправы стоял трон.

Вахаука знал, что он там будет, — об этом говорили с утра. И всё же, когда сотня вышла из-за последнего холма и трон оказался близко, на расстоянии, с которого можно было бы добросить камень, у него пересохло во рту.

Царь сидел. Больше ничего Вахаука потом не мог вспом-

нить отчётливо. Ни лица — его закрывали люди, стоявшие ниже и сбоку. Ни одежды — только цвет, тёмный, с золотом, в котором терялся блеск. Запомнилось, что царь сидел совершенно неподвижно. Мимо него с рассвета шло войско, которое он собрал из трёх десятков народов, а он сидел, как сидят над водой, когда ждут, пока осядет муть.

Рядом с троном, чуть в стороне, стоял грек в простом плаще. Все вокруг смотрели на царя или себе под ноги. Грек смотрел на переправу: на место, где настил ложился на первый корабль. Смотрел, как смотрят на свою работу, когда её впервые проверяют на прочность.

Сотня прошла перед троном шагом. Никто не опозорился. Вахаука не повернул головы — этого не полагалось, и он не повернул. Он видел царя краем глаза, как видят солнце, и этого было достаточно.

Ещё утром Тухра предлагал завязать коням глаза.

— Перед царём? — сказал тогда Вахаука. — С мешками на мордах? Как обоз с ослами?

— Лучше как обоз, чем как утопленники.

— Мои кони пойдут с открытыми глазами.

Тухра пожал плечами и отстал. Теперь, когда сотня ступила на настил, Вахаука понял, о чём предупреждал Тухра.

Переправа дышала. Не качалась — к качке можно привыкнуть, — а именно дышала. Каждый корабль под настилом жил своей жизнью, течение, которое снизу казалось ленивым, тянуло их в сторону Пропонтиды, канаты скрипели,

и доски под копытами опускались и поднимались не вместе, а по очереди. Слева и справа была вода, близко, ничем не отгороженная, серо-зелёная и быстрая. И кони это всё прекрасно видели.

Первым не выдержал серый мерин Мидийца. Он шёл хорошо, потом вдруг встал, поднял голову, раздул ноздри и попытался назад в идущего за ним коня. Тот шархнулся. Сзади прикрикнули. Мидиец вцепился коленями и ударил пятками, и это было ровно то, чего делать не следовало: мерин прыгнул вбок, к краю настила.

Вахаука оказался рядом раньше, чем успел подумать. Он поймал повод у самой морды, дёрнул голову мерина вниз и к себе, прижал её к шее своего коня и заговорил. Что говорил — не помнил. Глупости, какие говорят жеребяткам. Его собственный конь стоял, дрожа всей шкурой, но стоял: этого коня он растил сам. Мерин косил на воду белым глазом, потом на Вахауку, потом снова на воду. Потом опустил голову ещё ниже и шумно выдохнул.

— Слезай, — сказал Вахаука Мидийцу. — Веди в поводу. Глаза ладонью закрой, если начнёт дёргаться.

— Налуч, — сказал Мидиец.

— Что?

Мидиец смотрел вниз, на воду. Налуча у него на боку не было. Ремень лопнул, когда мерин рванул, и лук вместе с налучем упал в Боспор. Его уже нигде не было видно: течение всё уносило в момент.

Сзади напирали. Вахаука дал знак идти.

На европейском берегу писец — другой, но с такой же сумкой — спросил число людей, коней и отсутствующих. Вахаука ответил. Потом добавил:

— Лук утрачен. Один. С налучем. При переправе.

Писец на мгновение поднял глаза, будто хотел запомнить лицо человека, который сам сказал о пропаже. Потом записал. Вахаука видел, как перо вывело короткую строку. Лук, один, утрачен. Теперь эта строка существовала и будет существовать, когда о мерине и его всаднике давно забудут. Вахауке это понравилось.

Лагерь ставили до темноты. Горели костры. На том берегу, в Азии, тоже горели костры: там ждали очереди те, кого не успели переправить. Между кострами двух берегов лежала чёрная полоса пролива, и через неё тянулась цепочка огней. Мост освещали, и ночью по нему продолжали идти.

Мидиец чистил мерина и не поднимал головы. Вахаука подошёл, постоял рядом. Сказал, что завтра спросит у обозных лишний лук. Мидиец кивнул. Мерин ел.

Вахаука пошёл к своему костру и на полпути увидел Тухру. Тот сидел у соседнего огня, где грелись обозные писцы, и что-то говорил одному из них, молодому, с перевязанным пальцем. Писец держал на колене кусок кожи. Вахаука встал в темноте, за чужими конями.

— ...жив, — говорил Тухра. — Здоров. Ест мало. Это напиши: ест мало.

— Написал.

— Коня держит. Держит хорошо. Лучше, чем я думал.

Нет. Это вычеркни.

— Про коня?

— Про «лучше, чем я думал». Его отец и так знает, что я думал.

Писец поскрёб кожу ногтем.

— Ещё что?

Тухра помолчал.

— Переправа крепкая, — сказал он. — Напиши про переправу. Он спросит.

— Кто спросит?

— Отец. Кому я пишу.

— Печать?

— Какая у меня печать. — Тухра полез за пазуху, достал что-то маленькое и вложил писцу в ладонь. — Вот. И если он будет спрашивать, что я тебе диктовал...

— Кто?

— Сотник. Молодой.

Писец посмотрел на монету, потом на Тухру.

— Это за письмо, — сказал он. — А чтобы не говорить, надо бы ещё добавить.

Глава 2

Иданфирс

Гонцы вернулись на девятый день, все трое сразу, хотя уезжали в разные стороны. Встретились у брода и дальше ехали вместе, чтобы не рассказывать одно и то же три раза.

Иданфирс велел их сначала накормить. Цари ждали у огня, пока гонцы ели. Никто не торопил. Котёл над огнём был большой, мясо в нём варилось с утра, и гонцы ели жадно и быстро.

Потом старший вытер руки о полу кафтана и начал.

— Гелоны — да. Будины — да. Савроматы — да, и сказали, что приведут женщин, как у них заведено.

Таксакис кивнул. Скопасис ничего не сказал. Иданфирс ждал.

— Агафирсы — нет. Невры — нет. Андрофаги — нет. Меланхлены — нет. Тавры меня даже не выслушали до конца.

— Что сказали?

— Агафирсы говорили за всех. — Гонец помолчал, вспоминая. — Сказали, что это не их война. Что мы первыми пришли к персам. Что наши деды двадцать восемь лет сидели у мидян на шее и брали с них всё, что хотели. Что теперь перс пришёл за своим, а не за ними. Сказали: тронет нашу землю — будем биться. А пока пусть скифы сами отвечают

за своё.

Кто-то из знатных за спиной Таксакиса сплюнул в огонь. Огонь зашипел.

— Они правы, — сказал Иданфирс.

Он сказал это без злости, потому что это было правдой. Персы помнили. Такие вещи помнят дольше, чем люди живут. Агафирсы не были трусами и не были дураками, они просто посчитали и увидели, что им эта война невыгодна. Он бы на их месте посчитал так же.

— Правы или нет, — сказал Таксакис, — а их не будет.

— Не будет.

Некоторое время говорили про перса.

Гонец, ездивший на юг, до Истра не доехал, но видел людей, которые видели переправу через Боспор. Корабли, связанные в ряд от берега до берега. Сколько кораблей — никто толком не знал. Говорили: «много». Один сказал: «до вечера считать». Сколько людей прошло по этой переправе — тоже никто не знал. Говорили числа, которые не имели смысла, потому что столько людей не бывает.

— Фракийцев он прошёл, — сказал гонец. — Геты дрались, остальные нет. Гетов больше нет.

— Как нет?

— Есть. Но они теперь под ним.

После этого заговорили знатные, сразу несколько. Смысл был один. Встретить перса на Истре, когда он будет переправляться. Половина уже на этом берегу, половина ещё на

том. Ударить по той, что на этом, пока другая не сможет помочь. Так бьют всякого, кто переправляется, и так били всегда.

Иданфирс слушал. Это было правильно. Он сам вначале подумал об этом, ещё до того, как уехали гонцы, и думал об этом все девять дней.

— А потом? — спросил он.

Ему не сразу ответили.

— Потом, — продолжил он, — мы убьём тех, кто успел переправиться. Пусть много. Пусть половину. Остальные вернутся на тот берег. Уйдут. А весной придут снова, потому что человек, который построил переправу через море, не уходит оттого, что у него убили половину войска. Он просто соберёт новое. У него есть откуда собрать. А у нас есть откуда?

Молчали.

— А если мы на Истре проиграем, — сказал Иданфирс, — то собирать будет уже некого.

— Ты что предлагаешь, — сказал старик из родни Таксакиса, — отдать землю так?

— Я не предлагаю отдать землю. Пусть занимает.

Он говорил медленно, как будто объяснял самому себе.

— У него люди. Много людей. Каждый хочет есть каждый день. Каждый конь хочет есть каждый день. Если он пойдёт по степи, где есть трава и есть вода, он будет идти долго. Если он пойдёт по степи, где травы нет и колодцы засыпаны, он

будет идти недолго.

— А мы где будем?

— На день впереди него. Всегда на день впереди. Пусть видит нас. Пусть думает, что вот-вот догонит.

— И мы будем бегать, — сказал старик.

— Будем.

— Скажут: скифы бегают.

— Скажут, — согласился Иданфирс.

Старик ещё что-то хотел сказать, но Таксакис положил ему руку на плечо, и тот не стал.

Таксакис спросил о другом:

— Куда уходить? На север — это понятно. Кибитки, дети, скот. А войско?

Иданфирс знал, что его спросят именно это, и знал, что именно это ему говорить не хочется.

— Туда, где отказались, — сказал он.

Стало тихо. Даже котёл, казалось, перестал булькать.

— К агафирсам? — спросил Таксакис.

— К неврам. К андрофагам. К меланхленам. Перс пойдёт за нами. Мы пройдем через их землю, он пройдет через их землю. Им придется уходить или воевать. И то и другое — против него.

— Они нам не враги.

— Не враги. Но и не друзья. Не захотели воевать за наше — будут воевать за своё.

Таксакис долго смотрел на него.

— Они тебе этого не простят.

— Простят или нет, это будет потом. Сначала надо сделать так, чтобы было кому прощать.

Он сразу пожалел, что сказал это так спокойно. Прозвучало так, будто он давно это придумал и ждал, куда и когда вставить. А он не придумывал. Решение пришло только после рассказов гонцов.

Скопасис за всё время не сказал ни слова. Теперь он пошевелился.

— Савроматы, — сказал он.

— Что савроматы?

— Если перс пойдёт на восток, к Танаису, он пойдёт через савроматскую землю.

— Савроматы сказали «да».

— Они сказали «да» войне, — сказал Скопасис. — Про землю их никто не спрашивал.

Иданфирс ничего не ответил. Он понимал, что это правда, и понимал, что ничего не может с этим сделать. Скопасис это тоже понимал. Поэтому и сказал так, при всех, чтобы потом никто не говорил, что не слышал.

Расходились поздно.

Кибитки начали собирать ещё до рассвета. Скрипели оси. Кто-то ругался из-за упряжи, кто-то плакал — женщины или дети, в темноте было не разобрать. Скот сгоняли в стада, отделяли то, что возьмут с собой войску на мясо, от того, что уйдёт на север.

Когда Иданфирс подошёл к своей кибитке, жена стояла у заднего колеса и держала котёл. Тот самый, в котором вчера варили мясо. Котёл был бронзовый, тяжёлый, с ручками в виде козлов, и держала она его двумя руками, прижимая к животу, как держат ребёнка, которого не хотят отдавать.

— Оставь, — сказал Иданфирс. — Тяжёлый. Он повозку тормозить будет.

— Это хороший котёл.

— Знаю, что хороший.

— Другого такого нет.

— Знаю.

— Тогда что?

Иданфирс посмотрел на котёл, потом на повозку, потом на её колёса, которые и без котла уже сидели в грязи по ступицу.

— Бери, — сказал он. — Но если застрянете, вытаскивать будешь сама.

— Вытащу, — сказала она. И закинула котёл в кибитку, так что там что-то звякнуло и кто-то из детей заплакал снова.

Глава 3

Опия

Ремень у псалия лопнул второй раз за три дня, и Опия ругалась так, что двоюродная сестра перестала доить и рассмеялась.

— Не смейся. Сама же этот ремень резала.

— Я резала правильно. А ты его разгрызла.

— Конь его разгрыз.

— Конь твой, значит, твоя вина.

Опия села на землю у кибитки, положила уздечку на колени и стала смотреть, как её подлатать. Ремень перетёрся там, где проходил через дырку в роговом псалии, и край дырки был острый. Она уже говорила отцу, что псалии надо менять, и отец сказал, что поменяет. С тех пор прошло два месяца.

Она достала шило и новый кусок сыромяти. Сыромять была жёсткая, её надо было размочить, а размачивать надо было до утра, а вот ждать до утра Опия не хотела. Она плюнула на кожу и стала мять её пальцами.

— Так ты до вечера мять будешь, — сказала сестра.

— Буду.

Кобыла, которую доила сестра, переступила и чуть не опрокинула подойник. Сестра шлёпнула её по боку, та успокоилась. Молоко шло тонкой струйкой. Из этого молока потом делали сыр, твёрдый, солёный, который можно было но-

сидеть с собой по нескольку дней и который Опия с детства терпеть не могла. Но ела. Все ели.

Из-за соседней кибитки вышла тётка, отцова сестра, с охапкой войлока. Она посмотрела на Опию, на уздечку, на шило, и Опия уже знала, что она скажет.

— Опять ремень?

— Опять.

— Вот был бы муж. Муж бы тебе сделал.

— Из-за одного ремешка себе уздечку надевать.

Тётка бросила войлок на кибитку и принялась его расправлять.

— Весной у Хромого сына сватали. Хороший парень. Руки хорошие.

— Сватали, — согласилась Опия.

— И что?

— Ничего. Сватали же не меня.

— Потому что не заслужила.

Сестра у кобылы фыркнула и сразу сделала вид, что закашлялась.

Опия проткнула шилом кожу. Кожа была ещё жёсткая, шило пошло туго и вышло не там, где она хотела.

— Возьмёшь на стрелу троих, — сказала тётка, не оборачиваясь. — И хоть завтра свадьба.

— Ну так найди мне троих, я схожу.

— Не смейся над этим.

— Я не смеюсь. Покажи, где они. Я поеду.

Тётка обернулась, посмотрела на неё долгим взглядом, какой Опия знала с детства и который ничего хорошего не обещал, но ничего не сказала. Взяла ещё войлока и ушла за кибитку.

— Зачем ты с ней так, — сказала сестра.

— Как так?

— Никак. Молчала бы, и всё.

— Я молчала. Два года молчала.

Опия продела ремень в псалий, затянула, попробовала. Держало. Она отрезала лишний конец и сунула его за пояс, может, пригодится.

Всадников увидели ближе к полудню.

Сначала их увидели собаки и залаяли. Потом мальчишки, которые пасли овец на склоне, прибежали и сказали, что едут, человек десять, и с ними отец Опии и дядя Хромой. Все бросили, что делали, и вышли смотреть.

С отцом ехали скифы. Опия сразу поняла, что скифы, по шапкам и ещё по тому, как они сидели в седле, — чуть откинувшись, будто им всё равно, куда их конь везёт. Кони у них были хорошие. Лучше, чем у савроматов. Опия это отметила и почувствовала укол зависти.

Отец спешил, отдал коня мальчишке и сразу пошёл к большой кибитке, где жила бабка. Скифы остались сидеть на конях. Один из них, молодой, с редкой бородкой, оглядывал стойбище, кибитки, женщин и чему-то улыбался. Потом увидел Опию, увидел у неё на поясе горит с луком и перестал

улыбаться. Смотрел недолго, но внимательно, как смотрят на коня, про которого не знают, лягается он или нет.

Потом он повернулся к товарищу и что-то сказал. Опия не расслышала что, только одно слово — он сказал «женщина», по-скифски, с тем ударением, какого у савроматов не было. Товарищ засмеялся.

— Ишь, — сказала сестра у неё за спиной. — Говорят, как будто рот горячим обожгли.

— Это мы, говорят, так говорим.

— Пусть говорят.

Отец вышел от бабки не скоро. Скифы за это время успели слезть с коней, напоить их у колоды и сесть на землю. Молодой снова улыбался. Кто-то из мальчишек подошёл к нему и спросил что-то про нож, и скиф дал подержать.

Когда отец вышел, лицо у него было такое, будто он всё утро таскал камни. Он собрал всех у большой кибитки. Мужчин, женщин, стариков. Даже детей не прогнали.

— Перс идёт, — сказал он. — Это вы знаете.

Знали. Слух шёл уже давно.

— Скифы биться с ним не будут. — Он подождал, пока утихнут. — Не будут. Будут уходить. А мы будем уходить с ними. Мы и отряд Скопасиса.

— Куда уходить? — спросил кто-то.

— Сюда.

Опия сначала не поняла. Потом поняла, и что-то холодное опустилось у неё внутри, от горла к животу.

— Перс пойдёт за Скопасисом, — говорил отец. — Скопасис пойдёт на восток, за Танаис. Через нас. Перс пойдёт следом. Там, где пройдёт Скопасис, травы не должно остаться. И воды.

— Нашей травы? — спросила тётка.

— Нашей.

— А скот?

— Скот — на север, к будинам. Старики, дети — тоже. Все, кто может ехать и стрелять, едут со Скопасисом.

Стало шумно. Все заговорили разом. Старики ругались. Кто-то из женщин плакал. Бабка сидела у входа в кибитку и молчала, и то, что она молчала, пугало больше, чем то, что остальные кричали.

Опия молчала тоже.

Она думала про балку за вторым холмом, где трава стояла выше колена и куда каждую весну приводили кобыл жеребиться. Про колодец у трёх камней, который отец с дядей чистили прошлым летом целую неделю. Про то место на склоне, где овцы всегда лежали в полдень, потому что там был ветер и не было мух.

И одновременно — она сама удивилась, — она думала о том, что едет на войну. Что это не охота. Что это война, настоящая, с настоящим врагом, и она будет в ней, со своим луком и своим конём, в строю, и никто не сможет её оставить с тёткой.

Ей стало стыдно, что она думает о войне. Но думать она

не перестала.

— Когда? — спросил дядя Хромой.

— Как скифы скажут. Скоро.

Скифы сидели у колоды, слушали и не вмешивались. Молодой с бородкой больше не улыбался. Он смотрел на склон, где паслись овцы, и Опия вдруг подумала, что он, наверное, тоже знает, как это — когда надо жечь траву. Потом подумала: нет. Он не знает. Это не его трава.

Вечером сестра спросила:

— Ты рада?

— Чему?

— Не знаю. Ты какая-то.

— Какая?

— Не знаю. Будто рада.

Опия не ответила. Она сидела у кибитки, держала на коленях уздечку и смотрела на новый ремень. Ремень был хороший, держал. Но был на палец короче старого, и она всё думала, хватит его или нет.

— Хватит, — сказала сестра, которая всё видела. — До свадьбы точно хватит.

Глава 4

Вахаука

У реки Артеск войску велели положить по камню.

Приказ шёл вдоль колонны от сотни к сотне, и каждый, кто его передавал, добавлял от себя, так что до сотни Вахауки он дошёл уже с подробностями. Каждому — один камень. Не больше. Класть в одно место, туда, где стоят писцы.

— Зачем? — спросил Мидиец.

— Сказали класть, — ответил Вахаука.

— Я понял, что класть. Зачем?

— Чтобы знать, сколько нас, — сказал кто-то сзади.

— Писцы и так знают.

— Писцы знают, сколько в списках. А камни покажут, сколько дошло.

— Чтобы место отметить перед походом, — сказал третий. — Царь проедет — увидит. Кучу.

— Это не куча. Это целая гора будет.

Тухра слез с коня, прошёлся вдоль берега, наклонился и поднял камень. Камень был маленький, с куриное яйцо.

— Мелкий, — сказал Вахаука.

— Сказали по камню. Про размер не сказали.

Вахаука выбрал себе хороший, в две ладони, серый, с белой жилой через весь бок. Нёс его перед собой на седле до самого места, где стояли писцы. Там уже лежала груда в рост

человека, и в неё всё бросали и бросали, и камни катились вниз по склону груды и останавливались у ног следующих. Рядом начинали вторую, потом третью. К вечеру их было столько, что с другого берега они казались холмами, которые стояли здесь всегда.

Вахаука положил свой камень сверху, аккуратно, чтобы не скатился. Белая жила легла кверху. Он постоял, посмотрел. Его камня уже не было видно. Сверху падали другие.

Про гетов им рассказал проводник-фракиец, которого придали их тысяче. Он говорил по-персидски плохо, но понятно.

— Эти, — он махнул рукой назад, на юг, — все сдались. Землю дали, воду дали. А геты — нет.

— Почему?

Проводник пожал плечами.

— Геты не умеют бояться. Их бог говорит, что смерти нет. Умрёшь — пойдёшь к нему. Зачем бояться?

— Так не бывает, — сказал Мидиец.

— Сам увидишь.

Вечером пошёл дождь, а к ночи началась гроза. Гремело долго, со всех сторон сразу, и молнии били так часто, что лагерь было видно почти как днём. Кони храпели и рвались с привязи. Вахаука обходил сотню, проверял коновязь.

На холмах к северу, там, где днём никого не было видно, вдруг показались люди. Много. Они стояли на гребне, чёрные на фоне молний, и стреляли из луков вверх, в небо.

Стрелы уходили в темноту, и было непонятно, куда они падают.

— По нам стреляют? — крикнул кто-то.

— Далеко, — сказал Тухра. — Не достанут.

— А в кого тогда стреляют?

Проводник стоял у соседнего костра, прикрывая голову плащом.

— В бога, — сказал он. — Когда гремит, они стреляют в бога. Чтобы знал, что его не боятся.

— В своего бога?

— Нет. В чужого. Их бог — один. А гремит чужой.

Молния ударила совсем близко, в дерево у реки. Геты на гребне закричали, все разом. Кричали радостно, так кричат, когда на охоте попадают в зверя.

Мидиец стоял рядом с Вахаукой и смотрел на холм, открыв рот.

— Сотник, — сказал он. — Они же сумасшедшие.

— Ложись спать, — сказал Вахаука. — Завтра посмотрим, какие они сумасшедшие.

Утром геты стояли на том же гребне. Их было меньше, чем показалось ночью, но всё равно много. Они не прятались. Стояли кучками, без строя. У многих были высокие шапки из лисьего меха, пёстрые плащи, в руках дротики, по два, по три. Щиты у них были лёгкие, вырезанные полумесяцем.

Персидская пехота строилась внизу, у подножия. Вахаука видел это сверху, с левого склона, где поставили их тысячу.

Сначала встали щиты — плетёные, высокие, в человеческий рост. Их вкапывали в землю один к одному, и за минуту поперёк долины выросла стена. За стеной лучники. Много лучников. Потом снова щиты, и снова лучники.

Всё это делалось без крика. Каждый знал, куда ему встать.

Их тысяче велели ждать.

Вахаука ждал. Конь под ним переступал, Вахаука придер­живал его коленями. Тухра был справа, как всегда. Мидиец — слева, с новым луком, который ему вчера выдали в обозе. Лук был плохой, старый, с трещиной у рукояти, обмотанной жилой. Мидиец держал его так, будто боялся, что тот развалится у него в руках.

Геты пошли первыми.

Они побежали вниз по склону все разом, без знака, без порядка, с криком. На бегу метали дротики. Дротики летели далеко и падали за плетёную стену, и там кто-то кричал. Потом на гетов обрушились стрелы.

Вахаука видел, как стрелы поднимаются из-за стены. Одновременно, как стая птиц, которую спугнули с поля. Потом они падали на склон. Потом снова поднимались. Геты бежали прямо в них. Падали. Те, кто не падал, бежали дальше.

Они добежали до стены. Вахаука не поверил, что добегут, но они добежали. Там всё смешалось, и сверху ничего нельзя было разобрать. Щиты качались. Один упал. Потом ещё один.

— Сотник, — сказал Тухра.

— Вижу.

Знака не было.

Щиты падали. Вахаука видел, как геты полезли в пролом, и лучники за стеной отступили на шаг, потом ещё на шаг. Он сжал копьё так, что заболели пальцы.

— Сотник!

— Знака нет!

Знак подали, когда он уже решил, что его не подадут.

Тысяча пошла вниз по склону. Вахаука не помнил, как тронул коня. Помнил только, что земля пошла под копытами быстрее и быстрее, и справа был Тухра, а слева Мидиец, и потом Мидиец отстал, потому что его конь был хуже.

Они ударили гетам в бок.

Геты не успели развернуться. Они смотрели на стену, дрались у стены, и когда сбоку на них налетела конница, они даже не сразу поняли, что это. Вахаука видел лицо одного, молодого, с разинутым ртом, без шапки. Гет обернулся на топот. Вахаука ударил его копьём, прямо в открытое плечо, над щитом. Копьё вошло и вырвалось, потому что конь нёс его дальше. Что стало с гетом, Вахаука не видел.

Потом всё вдруг кончилось.

Не кончилось, конечно. Ещё дрались. Ещё кричали. Но геты уже бежали. Кто-то назад, вверх по склону, кто-то в стороны. Конница гнала их, догоняла и била в спину. Вахаука тоже гнал, пока не увидел, что гнать больше некого, и остановил коня.

Он оглянулся. Внизу, у стены, лучники снова вкапывали упавшие щиты. Спокойно, не торопясь, как будто так и было нужно.

Тухра нашёл его, когда Вахаука уже ехал обратно.

— Рыжего убили, — сказал Тухра.

Рыжий был из второго десятка. Его звали Вайаспара, но так его никто не звал, все звали Рыжим, из-за бороды. Вахаука спешил. Рыжий лежал на спине, в траве, недалеко от того места, где тысяча ударила гетам в бок. Дротик вошёл ему под мышку, туда, где кончался доспех. Лицо у него было спокойное, будто он просто лёг отдохнуть.

Вахаука стоял над ним и не знал, что делать.

Тухра присел рядом. Снял с Рыжего горит, вынул из него лук, осмотрел, согнул немного, посмотрел, как ходит тетива. Потом встал и протянул лук Мидийцу, который подъехал следом.

Мидиец посмотрел на лук. Потом на Рыжего. Потом на Тухру.

— Бери, — сказал Тухра. — Свой выбрось.

Мидиец взял.

Вечером писец спросил число людей, коней и отсутствующих.

— Девяносто шесть, — сказал Вахаука. — Коней сто двенадцать. Убит один.

— Имя?

— Вайаспара. Второй десяток.

— Кони?

— Два пали. Один Вайаспары, один раненый, доби́ли. Писец записал, кивнул и пошёл дальше.

Гетов, которых взяли в плен, согнали в долину у реки. Их было много, сотни. Они сидели на земле рядами, и между рядами ходили другие писцы и тоже считали. Геты не пытались бежать. Некоторые разговаривали между собой, негромко. Один даже смеялся. Вахаука видел его, проезжая мимо, — уже немолодой гет, с разбитой головой, сидел и смеялся, а сосед что-то ему выговаривал.

Проводник сказал, что завтра их поставят в войско. Всех, кто может идти.

— Они будут за нас драться? — спросил Мидиец.

— Будут идти, — сказал проводник. — Куда поставят, туда и пойдут.

У костра Мидиец натянул новый лук. Лук шёл туго, у Мидийца дрожала рука.

— Тугой, — сказал он.

— Рыжий был сильный, — сказал Тухра. — Под себя делал.

Мидиец опустил лук и снова натянул. Рука снова дрожала. Он опустил и натянул ещё раз.

Глава 5

Дарий

Последняя сотня сошла с моста на северный берег к полу-
дню. Дарий смотрел, как она сходит. Кони шли осторожно,
опустив головы, и настил под ними прогибался. Потом про-
гибаться перестал. Мост стоял пустой, от берега до берега, и
течение било в борта кораблей, и корабли скрипели.

— Разобрать, — сказал Дарий.

Он сказал это ещё утром, когда войско только начало
переходить. Теперь повторил, чтобы все, кто стоял рядом,
услышали ещё раз.

Решение было простое. Мост держали корабли, на кораб-
лях были люди. Много людей, ионийцы, эолийцы, геллес-
понтийцы. Если мост разобрать, корабли можно оставить, а
людей взять с собой. Они пойдут с войском пешком. Ещё
несколько тысяч копий.

И ещё одно, о чём Дарий не говорил вслух. Мост за спиной
— это мост, который держат чужие. Греки. Он знал их пра-
вителей. Каждый из них держал свой город его рукой, и каж-
дый думал о том, что будет, если эта рука ослабеет. Оставить
им мост — значит оставить им власть над дорогой, по кото-
рой войско вернётся. Или не вернётся, если они так решат.

Не будет моста — не будет и соблазна. Войско пойдёт впе-
рёд, назад дороги не будет, и каждый в войске будет об этом

знать.

Ионийцы уже спускались к кораблям, когда один из греческих стратегов вышел вперёд и остановился на расстоянии, на котором полагалось остановиться. Невысокий, с проседью. Дарий не сразу вспомнил, кто это. Потом вспомнил. Кой, из Митилены.

— Царь, — сказал Кой через толмача. — Позволишь сказать?

Дарий кивнул.

— Ты идёшь в землю, где никто не пашет и нет городов. Если мы найдём скифов и победим — хорошо. Но если не найдём? Если они будут уходить? Тогда нам понадобится дорога назад. Оставь мост. Пусть его стерегут те, кто его построил.

Он помолчал и добавил:

— Я боюсь не того, что скифы нас разобьют. Я боюсь, что мы их не найдём. А сам я пойду с тобой. Чтобы никто не сказал, что я прошу за себя.

Люди вокруг молчали. Кто-то из знатных переступил с ноги на ногу.

Дарий смотрел на грека. Грек смотрел вниз, как полагалось, но стоял прямо.

Дарию не понравилось, что сказано это при всех. Если он сейчас согласится, все увидят, что царь поменял решение по слову грека. Если не согласится, все увидят, что он не захотел слушать разумного. А сказанное было разумно. Дарий

понял это сразу, как только грек сказал «если не найдём», и досадовал больше на себя, чем на грека. Он сам должен был об этом подумать.

Он думал о скифах как о войске. Войско стоит, войско защищает, войско выходит на поле. Он собирался встретить войско.

А если войска не будет?

— Ты пойдёшь со мной, — сказал Дарий.

Кой поклонился.

— Мост оставить, — сказал Дарий громче. — Ионийцам стеречь.

Никто ничего не сказал. Все повернулись к ионийским правителям, и те, кто уже спустился к кораблям, остановились.

Дарий велел принести ремень.

Принесли не сразу. Сначала принесли не тот, конскую подпругу, и Дарий посмотрел так, что слуга ушёл бегом. Потом принесли ремень, новый, длинный, в палец шириной, из хорошей кожи.

Дарий взял его сам.

Правители стояли полукругом. Гистией из Милета, толстый, с умными маленькими глазами. Мильтиад с Херсонеса, моложе остальных, с короткой бородой. Другие, имена которых Дарий знал, но не помнил, кто из них откуда. Все смотрели на ремень.

Дарий завязал первый узел. Затянул. Кожа была новая,

жёсткая, узел затягивался туго. Второй. Третий.

Он считал про себя.

Шестьдесят — это было много. Скифы примут бой через десять дней, может, через двадцать. Не станут же они бегать от войска, которое пришло к ним в землю. Кто бы ни был их царь, он не может отдать всё без боя, иначе какой он царь. Бой, потом ещё несколько дней, чтобы собрать то, что осталось от скифов, потом обратно. Сорок дней. Шестьдесят — с запасом.

Двадцать. Двадцать один.

Пальцы у него начали уставать. Никто вокруг не говорил. Слышно было только, как скрипят корабли у берега и как где-то далеко, в войске, ржёт конь.

Он мог бы отдать ремень слуге. Слуга завязал бы быстрее. Но тогда это был бы ремень, завязанный слугой.

Сорок. Сорок один.

На сорок пятом узле кожа у него под ногтем лопнула. Он не остановился.

Шестьдесят.

Дарий поднял ремень. Он получился вдвое короче, чем был, весь в узлах, будто кто-то связал его из бусин.

— Когда увидите, что я ушёл на скифов, — сказал он, — развязывайте по одному узлу каждый день. Если все развяжете, а меня не будет — плывите домой. До тех пор стерегите мост.

Он протянул ремень. Правители переглянулись. Гистией

шагнул вперёд первым, поклонился и взял.

— Царь, — сказал Мильтиад. — С какого дня считать? С сегодняшнего?

— Я сказал. С того дня, когда увидите, что я ушёл.

— А если мы не увидим? Если войско уйдёт ночью?

Дарий посмотрел на него. Мильтиад опустил глаза.

— Увидите, — сказал Дарий.

Он повернулся и пошёл к коню. Ему подвели коня, он сел. Палец под ногтем саднил. Дарий сунул его в рот и держал так, пока не заметил, что на него смотрят.

За спиной греки заговорили все разом, на своём языке, быстро, перебывая друг друга. Дарий не понимал слов, но понимал, о чём. Они спорили, у кого будет храниться ремень.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Пустота

Глава 6

Иданфирс

Весть пришла ночью. Всадник разбудил Иданфирса, и тот вышел из кибитки босой, в одной рубахе, и слушал, стоя на холодной земле.

Перс перешёл Истр. Весь. Мост оставил, греков при мосту оставил, а сам идёт на север. Идёт медленно, потому что войско большое, но идёт.

— Мост оставил, — повторил Иданфирс.

— Оставил.

Иданфирс постоял ещё. Потом велел будить людей и седлать.

Скопасис ждал его у брода, как договорились через гонцов. С ним было человек двадцать. Иданфирс взял столько же. Больше брать не стали — это был не совет, а разговор двух царей, и оба понимали, что при большем числе людей разговора не выйдет.

Они спешили и отошли от своих к воде. Скопасис был ниже Иданфирса на голову и шире в плечах. Он сразу присел на корточки у самой воды и стал бросать в неё мелкие камешки.

— Мост оставил, — сказал Скопасис.

— Знаешь уже.

— Знаю. Значит, думает о том, как назад пойдёт.

— Или ему кто-то подсказал.

— Какая разница. Мост есть.

Иданфирс кивнул.

— Лучших всадников я посылаю вперёд, — сказал он. — На три дня пути от Истра. Пусть встретят его, пусть он их увидит. Потом пусть идут перед ним на день пути и жгут всё, что растёт.

— Это ты говорил.

— Говорил. Теперь про тебя.

Скопасис бросил камешек. Камешек булькнул.

— Про меня, — согласился он.

— Перс должен за кем-то идти. Если он никого не увидит, он встанет. Если встанет, будет ждать, укреплять лагерь, собирать своих, посылать за хлебом. Может так простоять долго. Нам это не нужно. Нам нужно, чтобы он шёл.

— И за кем он пойдёт?

— За тобой.

Скопасис поднял голову.

— Ты пойдёшь на восток, — сказал Иданфирс. — С савроматами. Вдоль Меотиды, к Танаису. Перс пойдёт за тобой. Ты будешь на виду. Всё время на виду. Он будет думать, что вот-вот тебя догонит. А ты будешь уходить.

— И не биться.

— И не биться.

Скопасис встал, отряхнул колени.

— Ты просишь меня не воевать, — сказал он.

— Я прошу тебя воевать так, чтобы он не мог тебя убить.

— Это одно и то же.

— Нет.

Скопасис посмотрел на своих людей у коней. Люди смотрели на царей, но подойти не смели.

— Ты знаешь, что они скажут? — Он кивнул на своих. — Они не скажут этого мне в лицо. Но скажут у костра. «Наш царь бежит как заяц. А Иданфирс — за нашей спиной сидит».

— Пусть скажут.

— Тебе хорошо говорить «пусть». Тебя-то зайцем звать не будут.

Иданфирс помолчал. Он знал, что Скопасис прав. Он знал это ещё до того, как приехал к броду. Всю дорогу думал, как сказать, чтобы Скопасис не услышал в этом того, что там было. И так и не придумал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.